

На правах рукописи

Новикова Наталия Кирилловна

**ЛИТЕРАТУРА ИСПАНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЛОНДОНЕ
(1820-1830-е гг.)**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2013

Диссертация выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Соловьева Н.А.

Официальные оппоненты:

Соколова Наталья Игоревна

доктор филологических наук, профессор,
Московский педагогический
государственный университет,
профессор кафедры всемирной
литературы филологического факультета

Можаева Анита Борисовна

кандидат филологических наук, доцент,
Литературный институт им. Горького,
доцент кафедры зарубежной литературы

Ведущая организация:

Институт мировой литературы им.

Горького РАН

Защита состоится «14» ноября 2013 года в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.25 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, филологический факультет, 1-й учебный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «___» _____ 2013 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

А.В.Сергеев

ЛИТЕРАТУРА ИСПАНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЛОНДОНЕ

(1820-1830-е гг.)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В начале XIX в. причастность Испании к событиям, изменившим облик наполеоновской и постнаполеоновской Европы, открывает новый этап культурной рефлексии: в представлении испанской либеральной интеллектуальной элиты исторический процесс обретает нового субъекта – нацию, с присущим ей «духом», «волей», «характером». «Изобретение нации» опирается на традицию испанского Просвещения и критически осмысляет революционный пример соседней Франции, однако решающий стимул актуализации исторического воображения дают актуальные события первых трех десятилетий XIX в.¹ Они приносят противоречивый опыт общественного единения (успешное изгнание наполеоновской армии, принятие Кадисской конституции 1812 г.) и глубокого раскола: внутренне противостояние, которое наиболее пронизательные современники признавали гражданской войной, разворачивается не только во время борьбы с иностранным захватчиком, но и после ее окончания, порождая политические преследования, военные перевороты и несколько волн политической эмиграции. Литературную деятельность испанской эмиграции в Лондоне (1820-1830-е гг.) можно считать выразительным примером «литературы контр-изгнания» (К. Гильен)², стремящейся превратить очевидно неблагоприятную ситуацию разрыва и принуждения в привилегированную позицию, с которой открывается возможность «остраненного» взгляда на собственную «культуру-почву».

Изгнанники издавали несколько испаноязычных журналов (в том числе, «Ocios de españoles emigrados»³, «El Emigrado Observador», «El Español Constitucional», «Variedades o el Mensajero de Londres»), публиковали статьи в английских журналах («The New Monthly Magazine», «Westminster Review», «Quarterly Review», «The Athenaeum»), сотрудничали с известными английскими издателями (Г. Колбёрн, Дж. Мюррей, Р. Акерманн), имели типографию, где выходили книги на испанском языке (М. Калеро), и книжный магазин (В. Сальва). Помимо политических, экономических, религиозных трактатов, переводов, грамматик, к числу текстов, написанных в эмиграции, относятся исторические сочинения (Х. Т. де Труэба-и-Коссио, Х. Канга Аргуэльес, А. Аргуэльес), исторические романы (Х.М. Бланко Уайт, В. Льянос, Х. Т. де Труэба-и-Коссио), статьи по истории испанской литературы (Х.М. Бланко Уайт, А. Алькалá Галиано, статьи в журнале «Досуги...»),

¹ Álvarez Junco, José. Mater dolorosa. La idea de España en el siglo XIX. Taurus Ediciones, 2001. pp. 130-148.

² Guillén, Claudio. On the Literature of Exile and Counter-Exile // Books Abroad. Spring 1976 (№50). pp. 271-280.

³ «Досуги испанских эмигрантов», далее – «Досуги...».

путевая литература в эпистолярном жанре (Х.М. Бланко Уайт, материалы журнала «Досуги...»), фрагменты эпических поэм (герцог Ривас, Х. де Эспронседа) и лирические произведения (Х.М. Бланко Уайт, Х. де Эспронседа).

Столь интенсивная и разносторонняя литературная деятельность была обусловлена исторической ситуацией, исключительными особенностями «культурного времени» и «места». В первой трети XIX в. Испания попадает в резонанс с целым рядом актуальных вопросов и тенденций, определивших динамику английской культуры (борьба с Наполеоном, католический вопрос, колониальная экспансия в Новом Свете и др.). Прежде Испания имела репутацию страны во власти религиозных предрассудков и реакционной государственной идеологии, удаленной от европейского «центра» не только географически, но и цивилизационно, – теперь она переместилась от «периферии» к «центру». На пересечении политических и культурных интересов проходят активные процессы параллельного «чтения» испанской культуры и «письма» о ней, что в совокупности можно назвать «вписыванием Испании в британскую культуру»⁴: восторженное открытие средневековых романсов и хроник, драматургии Золотого века, творчества Веласкеса, мавританской архитектуры сопровождается появлением отсутствовавших раньше научных – исторических, географических, экономических – описаний. Так создается контекст, в котором об Испании пишут Байрон, Р. Саути, В. Скотт, Ф. Хеманс, У.С. Лэндор и другие авторы, многие из которых (например, Байрон и Лэндор) принимали в испанских событиях личное участие.

Актуальность обращения к теме обусловлена тем, что с 1950-х гг. ни разу не предпринималась попытка комплексного описания литературной деятельности испанских изгнанников 1820-1830-х гг.⁵ При этом в последнее время в англо- и испаноязычной критике наблюдается рост научного интереса к смежным исследовательским сферам (литература испанского романтизма, «испанский текст» в английском романтизме) и творчеству отдельных представителей лондонской эмиграции (в т.ч., Х.М. Бланко Уайта). В отечественной филологии ни испанская эмиграция в Лондоне, ни, шире, англо-испанские литературные связи в эпоху романтизма ни разу не становились предметом самостоятельного исследования.

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать «образ Испании» как продукт работы исторического и литературного воображения в специфической ситуации разрыва с прошлым – разрыва, который предполагал не отказ от традиции, а

⁴ Saglia, Diego. Iberian Translations: Writing Spain into British Culture, 1780-1830 // Romanticism and the Anglo-Hispanic Imaginary. Ed. Joselyn M. Almeida. Amsterdam/New York: Rodopi, 2010. pp. 25-51.

⁵ Lloréns, Vicente. Liberales y románticos. Una emigración española en Inglaterra (1823-1834). Valencia: Castalia, 1979 [1954].

радикальный, осознанный ее пересмотр. В контексте романтического историзма близость этих двух типов воображения, их тенденция к взаимообмену и необходимость дифференциации между ними осознаются особенно остро. Поскольку работа исторического и литературного воображения становится доступна наблюдению в той мере, в которой она опосредована текстами, **предметом** анализа являются художественные и нехудожественные тексты испанских изгнанников в Лондоне и их английских современников. Критерием отбора материала было стремление продемонстрировать различные варианты «образа Испании» и способов его создания в романтическую эпоху: с одной стороны, представителями английской культуры, с другой стороны, испанскими изгнанниками, которые писали как на испанском, так и на английском языке – т.е. во втором случае адаптировали заимствованные формы и жанры для репрезентации Испании в чужой, английской аудитории. Мы анализируем «испанские эпизоды» двух поэм Байрона – первую песню «Паломничества Чайльд Гарольда» и первую песню «Дон Жуана», три исторических романа, написанных лондонскими эмигрантами в подражание В. Скотту («Варгас» Х.М. Бланко Уайта, «Дон Эстебан» В. Льяноса, «Гомес Ариас» Х. Т. де Труэбы-и-Коссио), историко-литературные статьи из журнала «Досуги...», два образца эмигрантской эпистолярной прозы: «Письма из Испании» Х.М. Бланко Уайта и анонимные «Письма из Лондона». Мы подробно останавливаемся на отзывах первых читателей (в случаях, когда доступны тексты), чтобы оценить, насколько убедительным и правдоподобным выглядел созданный литературный образ в глазах современников.

Для достижения поставленной цели нами были поставлены следующие **задачи**:

- соотнести динамику развития «испанского текста» с формированием «романтического историзма» в английской культуре к. XVIII – н. XIX вв.;
- проанализировать, какой статус в английской культуре к. XVIII – н. XIX вв. занимала жанровая категория *romance* и как она опосредовала представления англичан об Испании;
- определить, какую функцию, с точки зрения испанских изгнанников и их английских современников, выполнял литературный вымысел в историческом повествовании;
- проанализировать, как испанские изгнанники выстраивали нарратив о «национальном гении» (*genio nacional*), выделить узловые моменты в логике их рассуждения: факторы сохранения самотождественности/исторической изменчивости, язык и литература как привилегированные формы бытования «гения», роль литературного образца, канона, иностранного влияния.

Методологическую базу исследования составляют работы В. Льюренса, С. Гарсиа Кастаньеды, М. Мёрфи, Ф. Дурана Лопеса, П. Кука, М. Морено Алонсо (литературная деятельность испанских изгнанников в Лондоне и англо-испанские культурные связи рубежа XVIII-XIX вв.), Д. Саглия и Х. Санчеса (формирование «испанского текста» в литературе английского романтизма), Э. Джинджера, М. Йароччи (переоценка испанского романтизма), Дж. Чэндлера (романтический историзм в английской литературе), М. МакКеона (статус жанровой категории *romance* в английской литературе XVIII – н. XIX вв.).

Новизну исследования определяет, в первую очередь, введение в научный обиход значительного объема нового материала. Предпринята попытка подойти к литературе испанской эмиграции в Лондоне как к целостному феномену: изучить образцы художественных и нехудожественных, англоязычных и испаноязычных текстов, рассматривая их в контексте эволюции «испанского текста» в английской культуре рубежа XVIII-XIX вв.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в курсах по сравнительно-историческому изучению литератур, а также в спецкурсах по истории английского романтизма и испанской литературы XIX в.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование обсуждалось и было рекомендовано к защите на заседании кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Материалы диссертации были использованы при подготовке спецкурса «Испанский романтизм: национальное своеобразие и европейский контекст» для студентов-испанистов (кафедра истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012-2013 гг.). Отдельные положения были освещены в докладах на международных научных конференциях, в т.ч. на заседаниях секции «Филология» ежегодной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2010, 2011, 2012, 2013 гг.), на 7-й и 8-й конференциях по изучению XVIII в. (филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 марта 2010 г.; 29-31 марта 2012 г.), на 5-й и 6-й конференциях «Иберо-романистика в современном мире» (филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-26 ноября 2010 г.; 22-23 ноября 2012 г.), на конференции Ассоциации испанистов Великобритании и Ирландии (Кингз Колледж, Лондон, 12-14 апреля 2010 г.), конференции Международного Байроновского общества (Университет Вальядолида, 27 июня - 1 июля 2011 г.), на 2-м и 3-м международных симпозиумах испанистов-специалистов по XIX в. (Университет Кадиса, 18-19 мая 2012 г.; Университет Кента, Париж, 24-25 мая 2013 г.), на конференции Европейского общества английских

исследований (Университет Богазичи, Стамбул, 4-8 сентября 2012 г.). По данной проблематике автором диссертации была опубликована 21 научная работа, в т.ч. 2 в изданиях, рецензируемых ВАК РФ, и одна в зарубежном издании.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во **введении** дана общая характеристика литературной деятельности лондонской эмиграции, отмечено многообразие художественных и нехудожественных жанров и интенсивность культурных контактов (не только английских, но и испаноязычных, прежде всего, латиноамериканских). Подробно описана динамика исследовательского интереса в англо- и испаноязычной критике за последние 60 лет. Обоснована постановка целей и задач, критерии отбора материала.

Первая глава **«Испания в английской литературе эпохи романтизма: попытки историзации и проблема жанра»** посвящена формированию «испанского текста» в английской культуре и исследованию функции литературного жанра, который, с одной стороны, может становиться познавательным средством в отношении чужой культуры, а с другой стороны, имеет тенденцию к фиксации стереотипных интерпретаций. Отправным пунктом для нашего анализа послужила «черная легенда»: интериоризованная английской культурой «Испания» долгое время была враждебным и малознакомым «Другим», в отношении которого воспроизводился устойчивый репертуар репрезентаций и господствовало представление о безнадежной укорененности в прошлом и непричастности ходу истории. Образ, сформировавшийся во времена религиозного противостояния и закрепившийся в эпоху Просвещения, со второй половины XVIII в. подвергается пересмотру в парадигме романтического историзма. Сочетая веру в прогресс и открытие уникальной ценности отдельного эволюционного этапа/каждой культурной общности, последователи романтического историзма оказываются заинтригованы неравномерностью исторического развития, проблемой разрыва и преемственности разных эпох, которая бросает вызов пониманию и воображению современного человека.

Мы остановились на факте пристального интереса английских эрудитов второй половины XVIII – н. XIX в. к сочинениям в жанре *romance*, поскольку, как нам представляется, этот интерес носит не только филологический, но и антропологический характер и имеет прямое отношение к новой интерпретации испанской культуры (епископ Хёрд, епископ Перси, Т. Уортон, В. Скотт). Попытки *a posteriori* объединить под определением *romance* и стихотворные, и позднейшие прозаические рыцарские романы (в

т.ч. «Амадиса» и «Пальмерина»), поэмы Ариосто и Боярдо, аллегорическую поэму Э. Спенсера и пастораль Ф. Сидни, написанную соединением прозы и поэзии, галантно-героический французский роман отражают желание через превращения литературной формы постичь историческую изменчивость человеческого общества и одновременно выделить некий структурно-содержательный инвариант. Инвариантом становится представление о *romance* как литературном жанре, выражающем феодальный этос и традиционную картину мира (сословная честь, верность королю, кодекс галантного поведения по отношению к даме, религиозность, вера в сверхъестественные силы). Мы обратили внимание, во-первых, на возникающую в той или иной форме идею несинхронности исторического развития. *Romance* выражает этос и картину мира, соответствующую ушедшей в прошлое социальной структуре, не находящую подтверждения в последующем опыте, чуждую и зачастую ложную (в свете просветительской критики предрассудков) – однако его «дух» сохраняет власть над современным человеком (буквально «соблазняет», «зачаровывает», по выражению епископа Хёрда). Понятие об этом «духе» соотносилось с благородно-возвышенным образом мыслей, переходом от обыденно-вероятного в область воображаемо-возможного, потенциалом сильного эмоционального воздействия. Во-вторых, для нас была важна сама логика историко-литературного рассуждения, стремящаяся установить взаимное отношение между историческими событиями, характером («духом») конкретной эпохи/национального сообщества и литературной формой. В представлении английских эрудитов уникальные обстоятельства испанской истории (соседство с арабской цивилизацией, Реконкиста) формировали определенный характер (культ чести, военная доблесть, религиозность, страстность, склонность к неправдоподобным вымыслам), который находил выражение в литературе (известный факт популярности рыцарских романов, открытые англичанами в к. XVIII в. исторические романсы, *romancero*). Литература, в свою очередь, закрепляя определенные модели поведения, служила формированию характера и т.о. оказывала влияние на историю (поведение конкистадоров в Новом Свете, которые соотносили себя с героями рыцарских романов, «фатальная» роль «насмешки» Сервантеса над рыцарскими романами в закате испанского могущества). Жанр *romance* можно считать особым средством представить (иначе говоря, вообразить) испанскую культуру, сохранявшую выразительно не-современные черты в современную эпоху, оценить ее инаковость и одновременно сделать доступной актуальному пониманию.

Как переходный момент мы отметили готический роман (*modern romance*, по выражению современников), в котором испанский материал был широко востребован, о

чем свидетельствует количество соответствующих сочинений, опубликованных между выходом в свет романов М.Г. Льюиса «Монах» (1796) и Ч. Мэтьюрина «Мельмот - скиталец» (1820). Авторы готических романов по-своему акцентируют двойственность испанского материала, применяя к нему и просветительский, и романтический код. Знакомый просветительский топос (страна во власти католических предрассудков и т.д.) служит не столько инструментом рациональной критики, сколько средством создания сильного эмоционального эффекта, в котором соединяются страшное и увлекательное.

Антинаполеоновская кампания на Пиренейском полуострове (1808-1814) дает стимул к активизации противоречивых тенденций в образе Испании, еще выразительнее подчеркивая интересовавшую романтиков неравномерность развития. Испания с ее «нецивилизованным» жизненным укладом и традиционным менталитетом парадоксальным образом «опережает» более просвещенные европейские нации, давая им образец сопротивления тирану. В Англии испанские события представляли собой не просто интригующее зрелище – триумф национального «духа» в борьбе с иноземным захватчиком. Принципиальное значение имел факт непосредственного участия в военных действиях против Наполеона в союзе с испанцами, необходимость буквально «испытывать» бытующие культурные представления в условиях принятия политических и военных решений. С т.з. консерваторов (главных инициаторов вмешательства в войну на Пиренейском полуострове), события 2-го мая 1808 г., осада Сарагосы, битва при Байлене были триумфом традиционного этоса, основанного на верности королю и религиозном чувстве, свидетельствовали о возрождении добродетелей Сиды и Пелайо и делали Испанию надежным союзником в борьбе с Наполеоном. Политические оппоненты (виги) выступали за де-героизацию войны, всячески подчеркивали ложность и опасность интерпретации современных событий в жанре рыцарского романа и по-просветительски призывали ориентироваться на опыт и критически относиться к испанскому национальному характеру.

Написание первой песни «Паломничества Чайльд Гарольда» (одной из двух, опубликованных в 1812 г.) приходится на 1809-1811 гг. – самый драматический период англо-испанской кампании против Наполеона, когда различные формы письма об Испании неминуемо оказались «присвоены» разными сторонами во внутрианглийских дебатах (разновидность того, что Байрон впоследствии назовет «политическим лицемерием», «cant political»). На фоне многочисленных военно-героических

романтических поэм на испанскую тему с несложной идейной и образной структурой⁶ «Паломничество...» реализует глубоко индивидуальный вариант жанра *romance* (авторское архаизированное самоназвание – *romant*). Байрон осознанно использует смысловой и ассоциативный потенциал «спенсеровой строфы» – коварную неустойчивость границ между губительным и спасительным, добродетельным и злым, способность убедительно (и в равной мере уклончиво) изображать страстно желаемое и пугающее⁷. Взаимному остранению подвергается, с одной стороны, опыт очевидца современного военного конфликта, с другой стороны – образный и стилистический строй рыцарской поэмы (герой *childe* – юноша, ожидающий посвящения в рыцари, идея рыцарского странствия – *quest*, риторическое изобилие описаний природы, присутствие аллегорических фигур).

Исходя из того что «Паломничество...» является признанным образцом романтической иронии, мы стремились продемонстрировать, как Байрон применяет иронический модус к испанскому материалу: он соединяет два бытующих в английской культуре дискурса об Испании – романтизирующий и критический – не отдавая предпочтения ни одному из них. Испанские темы и образы последовательно «читаются надвое». За обращением к «знаменитой романтической земле» (I, 35) следует проблематизация самой идеи славы (I, 36, 42-44). Испания предстает как идиллический хронотоп, разрушенный внешним вмешательством – тщеславием и жаждой власти правителей (I, 47-53), однако и внутри самого этого хронотопа действуют потенциально разрушительные силы. Патриотизм и отвага простого человека противопоставлены предательству аристократии (I, 46-48, 85-86), однако отождествить его с идеальным типом «благородного дикаря» не позволяет мстительность и склонность к междоусобицам (I, 44, 80). Аналогичным образом, клич народной войны «сражаться до ножа» (I, 86) свидетельствует как о самоотверженной решительности, так и о жестокости и готовности отвечать кровью на кровь (I, 87). Эту двойственность испанского характера воплощает коррида (I, 71-80) – зрелище, любимое всеми, в т.ч. женщинами, о чьей нежной натуре автор упоминает ранее (I, 57). Кадис, символ сопротивления Наполеону, сочетает «верность» и «благородство» (I, 85) с «порочностью» (I, 65-68, 71). Сама освободительная борьба носит подчеркнуто «странный» характер (I, 86, 89). Пример испанцев может в будущем привести другие нации к торжеству свободы и искупить зло, причиненное в Новом Свете самими испанцами (I, 89), вплоть до появления революционного образа

⁶ Croker, J.W. “The Battles of Talavera” (1809); Knight, H.G. “Iberia’s Crisis” (1809, не окончена); Gwilliam, J. “Battle of Albuera” (1811); Lord Grenville “Portugal” (1812); Hersee, W. “The Fall of Badajoz” (1812); Glanville, J. “Iberia” (1812).

⁷ Bloom, Harold. Edmund Spenser // The Best Poems of the English Language from Chaucer through Robert Frost. New York: Harper, 2007. pp. 57-73.

«деревя свободы» (I, 90) – однако автор отмечает, что за свободу борются люди, никогда ее не испытывавшие (I, 86).

В соответствии с точкой зрения, принятой среди исследователей байроновского творчества, «Дон Жуан» (1818-1823 гг.) открывает новый этап поэтической эволюции – отказ от значительности романтической поэмы и поиск нового формально-содержательного единства. Как было показано Дж. МакГоном, адаптация итальянской «разговорной формы» (октава ироикомических поээм Пульчи и Касти) к английскому «разговорному стилю» (сатиры Александра Поупа), восходящая к иронично-рассудительному тону горацианского *sermo*, позволяет воссоздать исторический опыт современного человека⁸. Это опыт мира, в котором, говоря словами М.М. Бахтина, нет ничего, что бы было принципиально изъято из «зоны фамильярного контакта», мира многоязычного, погруженного в стихию неготовой, становящейся современности⁹. Таким образом, творческий эксперимент Байрона может быть соотнесен с открытиями романтического историзма через сопоставление с историческими романами В. Скотта, что имеет важное значение для нашего анализа «испанского эпизода» (первая песня поэмы «Дон Жуан», написанная в 1818-1819 гг.). При многих очевидных различиях, произведения двух английских авторов роднит фигура среднего, невыдающегося героя; «наблюдательная позиция», откуда открывается частная, непарадная сторона жизни; сюжет путешествия в пространстве, которое становится своеобразным путешествием «в историю», поочередно сталкивая героя не просто с чужими обычаями, но с типами социального уклада, характерными для разных уровней развития человеческого общества¹⁰.

Референтом «испанского» в поэме является не только донжуановский архетип (иронически инвертированный) и не фактически достоверная Испания 1780-х гг., но образ Испании, сотканный из ссылок и аллюзий, который сформировался в английской культуре к концу 1810-х гг. Повествователь говорит о практике ухаживания (*cortejo*) и славе Севильи – города чувственных наслаждений, мимоходом намекая на собственный опыт путешественника. Он отмечает популярность корриды, упоминает католический культ Девы Марии и озабоченность испанцев «чистотой крови». Скандал в доме доньи Инес он комически соотносит с другим «семейным скандалом» – историей о дочери готского вельможи, которую соблазнил король Родриго (I, 190). Этот легендарный национальный эпизод считался причиной падения готского королевства (месть оскорбленного отца

⁸ McGann, Jerome. *Don Juan in Context*. Chicago: University of Chicago Press, 1976. pp. 52-120.

⁹ Бахтин приводит поэму Байрона «Дон Жуан» как один из ярких примеров «романизации», которой подвергаются «старые» жанры, когда «освободительная» энергия романа меняет всю структуру жанровой иерархии. Бахтин, М.М. Эпос и роман. СПб, Азбука, 2000. с.197.

¹⁰ о Байроне и Скотте см.: Chandler, James. *England in 1819: The Politics of Literary Culture and the Case of Romantic Historicism*. University of Chicago Press, 1998. pp. 357-379.

приводит в Испанию войска арабов) и подвергся вполне серьезной трактовке у многих английских романтиков (Саути, Лэндор, Скотт). Так, Испанию – родину байроновского Дон Жуана – можно считать особенным хронотопом, местом, чья структура характеризуется и как вневременная, и как конкретно-историческая: элементы мифа, расхожие мнения, личные впечатления Байрона от Испании уравниваются между собой в фамильярном тоне повествования.

При обращении к жанру исторического романа представители испанской эмиграции в Лондоне, в первую очередь, оказываются перед необходимостью учитывать особый статус Испании в английском культурном сознании н. XIX в.: она становилась объектом пристального исторического изучения и существовала в виде «рассеянных» репрезентаций, вызвала неприятие и одновременно обладала обаянием экзотического Другого. Во-вторых, исторический роман в том виде, в котором он ассоциировался с именем В. Скотта, был новым жанровым инструментом и к испанскому материалу не применялся. Эту литературную ситуацию мы анализируем во второй главе диссертации **«Исторические романы лондонских изгнанников: ‘правда об Испании’ как проблема»**. Исторический роман, который открывает прошлое как инаковое, сосредотачивается на том, *как*, в каких социальных знаках проявляет себя этот разрыв. Отсюда повышенное внимание к «местному колориту», изображению нравов, «частной жизни наших предков»¹¹ – к тому, в чем потенциально обнаруживает себя изменяющийся дух века, что не фиксируется как «событие» в историческом документе и, чтобы подняться на уровень исторического свидетельства, требует участия романиста. Историю и литературный вымысел в романах испанских изгнанников мы рассматривали как инструменты в исторически конкретной «коммуникативной ситуации» – перед лицом необходимости сообщить «правду об Испании» английским читателям 1820-х гг.

Х.М. Бланко Уайт (José María Blanco White, 1770-1841) – священник, публицист, поэт, бывший настоятель севильского собора, эмигрировал из Испании в Англию в 1810 г., где оставался до конца своей жизни. Бланко Уайт принял англиканскую веру, стал членом одного из оксфордских колледжей, он приобрел славу писателя и религиозного полемиста, был другом Р. Саути, состоял в переписке с Колриджем, Ф. Хеманс, входил в салон лорда Холланда, где более всего интересовались «испанскими делами». События романа «Варгас, испанское сказание» («Vargas: A Tale of Spain», вышел анонимно в 1822 г., с высокой вероятностью приписывается Бланко Уайту) разворачиваются в к. XVI в. На наш взгляд, причина такого писательского выбора могла заключаться в том, что Испания XVI в. была интересной точкой пересечения «романтической» и «черной»

¹¹ «*la vie privée of our forefathers*», выражение Скотта из предисловия к роману «Айвенго»

легенды. С одной стороны, XVI в. – это век становления империи, переход к Испании Нового времени, которая будет внушать англичанам страх и вызывать резкую критику. С другой стороны, укрепление власти Габсбургов только начинается, Средние века – предмет романтического увлечения – еще явственно присутствуют как культурная эпоха.

Документальная история Антонио Переса (символическая фигура в борьбе за сохранение средневековой автономии против единоличной власти монарха, опальный секретарь Филиппа II, искавший убежище в елизаветинской Англии) становится фоном для вымышленной истории молодого дворянина Бартоломео Варгаса. В свою очередь, приключения Варгаса, вполне соответствующие «плутовской» схеме нанизывания одного эпизода на другой, переплетаются с сюжетом о девушке Корнелии Бороркиа, жертве Священного трибунала. Этот сюжет одновременно имел документальный («История инквизиции» Ф. ван Лимборга, 1692 г., «Критическая история инквизиции» Х.А. Льоренте, 1817-1818 гг.) и фикциональный прецедент (эпистолярный роман Л. Гутьерреса «Корнелия Бороркиа», 1801), причем в последнем случае задачей вымышленного повествования была намеренная имитация «подлинного документа» о злодействах инквизиции. Все повествование сопровождается рамочной конструкцией, с помощью которой, как во многих романах Скотта, обыгрывается относительность вымышленного и конкретно-исторического¹². История двухсотлетней давности предстает перед английским читателем 1820-х гг. как результат желаний, мотивов, намерений трех его современников. Это анонимный издатель, во исполнение посмертной воли публикующий рукопись своего скончавшегося друга Корнелиуса Вильерса, сам Вильерс – англичанин-путешественник и поклонник испанской культуры – и Хуан де Беамонте, андалузский дворянин, знакомый Вильерса. Беамонте снабжает «автора» советами, как тому следует «дать волю воображению и сплести вымышленные сюжетные линии второстепенных персонажей с настоящими приключениями героев», чтобы предложить заинтересованным англичанам «познавательную» и «увлекательную» картину испанских нравов и общественных установлений¹³.

Отдельные биографические факты из жизни Бланко Уайта позволяли отождествить его с каждым из трех персонажей-масок. Бланко Уайт исходил из того, что для английского читателя Испания обладает очарованием «другого», «инового», «странного» – такого, о котором уже известно, но не вполне достаточно, что увлекает и вызывает желание узнать больше. Носителем этого (желаемого) знания становится

¹² непосредственными референтами литературной аллюзии представляются романы Скотта 1820 г. - «Монастырь», где также разрабатывается католическая тема, и «Айвенго», отрывки из которого Бланко Уайт перевел на испанский язык.

¹³ Vargas: A Tale of Spain. London: J. Baldwin 1822. p. 15.

действительно существовавший повествователь (Корнелиус Вильерс) со своей биографией, взглядами, писательскими задачами – и вымышленное повествование о Варгасе, сочиненное Вильерсом в жанре «tale». При этом оказывается, что оба – и Вильерс, и Варгас – по-своему достоверны и по-своему вымышлены. Фигура Вильерса производит явственное впечатление литературной маски, но обладает важными автобиографическими чертами, а приключения Варгаса – плод авторской фантазии – становятся ценным источником по истории Испании XVI в.

Валентин Льянос (Valentín Llanos, 1795-1885), автор романа «Дон Эстебан, или Мемуары испанца, написанные им самим» («Don Esteban; Or Memoirs of a Spaniard written by Himself», 1825), как и Бланко Уайт, владел английским языком с детства. Он придерживался радикально либеральных воззрений, но, в отличие от многих других представителей испанской эмиграции, нашел пристанище в Англии, в первую очередь, не по политическим, а по личным мотивам. Познакомившись в Риме в 1821 г. с Фанни Китс, сестрой Джона Китса, Льянос последовал за своей будущей невестой в Англию. Там он провел больше десяти лет, с 1821 по 1833 г. Два написанных им романа были одними из многочисленных литературных предприятий, за которые он брался в поисках заработка.

Хоакин Телесфоро де Труэба-и-Коссио (Joaquín Telesforo de Trueba y Cossío, 1799-1835) также имел возможность (редкую для Испании н. XIX в.) рано познакомиться с английским языком и культурой. Его английская карьера сложилась несколько иначе, чем у его соотечественников-эмигрантов: он занял место среди модных английских авторов того времени. Спустя три года после приезда в Англию в 1825 г. он выпускает свой первый роман «Гомес Ариас, или Мавры из Альпухаррас» («Gómez Arias, or the Moors of Alpujargas», 1828), за которым последуют другие романы на средневековые и современные сюжеты, исторические сочинения о завоевании Мексики и Перу, а также множество пьес, поставленных в Друри-лейн и других лондонских театрах.

Романы Льяноса и Труэбы-и-Коссио на первый взгляд представляют собой два противоположных способа действовать в своеобразной ситуации «двойной медиации» – опосредования исторической правды через литературный вымысел и оправдания своего посреднического статуса между испанской и английской культурой. Из предисловия следовало, что «Мемуары» Льяноса обещали читателю полностью достоверное повествование о перипетиях Наполеоновской кампании и угнетенном существовании испанцев во времена «мрачного шестилетия» – тиранического правления Фердинанда VII (1814-1820). Средством передачи исторической правды должен был стать ничем не приукрашенный личный опыт, который принципиально отличался от опыта иностранцев, путешествующих по Испании, т.к. представлял «внутреннюю» точку зрения.

Единственный открыто литературный элемент – вымышленные имена героев – только усиливал «эффект правдоподобия» (автор скрывал имена якобы из нежелания навредить реальным лицам). Труэба прямо заявлял о намерении восполнить «досадное» отсутствие повествований об испанской истории, аналогичных романам «великого волшебника» Скотта. Свой роман он определял как *romance*, что для него означало создание вымышленного сюжета, помещенного в удаленное прошлое: сюжет о несчастной любви девушки Теодоры к герою донжуановского типа Гомесу Ариасу, заимствованный из пьесы Кальдерона, разворачивался в эпоху завоевания Гранады Католическими королями. Задачу воссоздать нравы и предрассудки эпохи Труэба перед собой не ставил и удовлетворялся сугубо «литературным» происхождением главного персонажа, судя о его пороках с точки зрения «человеческой природы» вообще, а не конкретного исторического периода.

На деле оказывалось, что материал для «рассказа очевидца» у Льяноса, при наличии отдельных автобиографических деталей, был взят из книги современного английского историка Э. Блэкьера. Сам текст строился на якобы «случайных» и «таинственных», но явно преднамеренных ходах сюжета, индивидуализированные характеры почти отсутствовали, любовная линия состояла из сентиментальных условностей, сцены в подземельях инквизиции повторяли эффект «ужасного» из готических романов – эта клишированность сближала «мемуары» Льяноса с «рыцарским романом» Труэбы, где основным принципом организации текста также было использование литературных формул.

Вокруг романов развернулась полемика с участием английских и испанских критиков. Рецензия Бланко Уайта отличалась своеобразием самой дискурсивной стратегии. Льянос обвинялся в том, что неумеренный тираноборческий пафос заставлял его изображать исторические события и нравы искаженно и пристрастно, а невероятность приключений выдавала в «мемуарах» просто плохой роман. При этом большую часть рецензии Бланко Уайт посвятил рассуждениям о склонности испанцев к преувеличениям, их неспособности к взвешенному анализу, видя в этом исконную национальную черту и причину краха конституционных преобразований 1823 г. Это длинное обличительное отступление, по существу, служило для того, чтобы в свете истории объяснить недостатки рецензируемого романа. А. Алькалá Галиано, который также с легкостью разгадал мистификацию «мемуаров», обратил недостатки романа в специфическое преимущество: сколь порочна должна быть власть *ancien régime*, если она могла внушить столь преувеличенно-мрачные представления о себе? Так, сами нарушения литературного вкуса

и фактические недостоверности становились *косвенным* средством для передачи исторической правды.

Схожая ситуация непрямого, исподволь происходящего превращения в «исторический документ» сложилась вокруг романа Труэбы. Автор, явно не озабоченный созданием достоверного эффекта антропологической инаковости прошлого, допускает в предисловии важное историческое рассуждение: сами события Реконквисты, выбранные им в качестве предмета, *уже* представляют собой *romance*. В них есть избыливающий неожиданными поворотами сюжет, необыкновенные характеры, потенциал сильного эмоционального воздействия (ассоциации с «блеском», «сиянием», «сокровищами»). Романисту остается лишь придать окончательную форму тому, что само по себе является «романтическим» и «драматическим». Эту установку разделяли и рецензенты (в т.ч. А. Алькала Галиано). Они могли по-разному оценивать мастерство в создании увлекательного вымысла (стиль, искусство портрета и пейзажа, связность сюжета), однако главным литературным недостатком считали, что портреты христиан и арабов, рыцарей и слуг не имеют исторической и национальной конкретности, а интригу можно перенести в другое место и время действия без ущерба для содержания. Для сравнения, следующий роман Труэбы о кастильском короле Педро Жестоком, тоже написанный в жанре *romance*, Алькала Галиано считал «подлинно историческим», поскольку романная интрига совпадала с ходом событий эпохи, которую критик описывал в терминах, близких литературе – «выразительная», «интересная», «ужасная» (в смысле производимого эффекта).

Анализируя романы в контексте развернувшейся вокруг них полемики, мы пришли к следующему выводу: хотя политическая предвзятость сужала репертуар привлекаемых исторических фактов, а вымысел строился по готовым романтическим (готическим, сентиментальным, плутовским) формулам, испанскими изгнанниками были усвоены сами открытия романтического историзма. Историю можно исследовать и интерпретировать с помощью литературного вымысла, а «пущенный в ход» механизм исторического воображения будет воспринимать любой текст как документ, как средство, обещающее реконструировать целостную историческую картину – поэтому даже «ходульный» роман или «лживое» историческое сочинение при правильном истолковании приобретают характер исторического свидетельства.

Работу исторического воображения с обширной совокупностью культурных – и прежде всего литературных – свидетельств мы рассмотрели в третьей главе **«Историко-литературная рефлексия испанских изгнанников: реконструкция исторического субъекта»**. Формулировка принадлежит известному специалисту по испанскому романтизму Э. Джинджеру, который анализирует культурную ситуацию в самой Испании

1830-1840-х гг. – т.е. в период, непосредственно следующий за тем, который находится в фокусе нашего внимания¹⁴. В те годы, когда после окончательного обрушения *ancien régime* ни одна общественная сила чувствовала себя вполне легитимной, настоятельная необходимость в поиске новых способов объединения и общественного компромисса ставит интеллектуальную задачу «реконструкции исторического субъекта». Унаследованный исторический «багаж» невозможно продолжать использовать по традиции. Символические формы, дискурсивные практики, термины, жанры, понятия должны быть критически переосмыслены, подчинены новым задачам., которые, в целом, были хорошо знакомы европейской (в первую очередь, французской) либеральной мысли той эпохи: гарантия гражданских прав, построение национального государства и, как сверхзадача, создание такой культуры, которая соединяла бы недавно завоеванные свободы и национальные ценности.

По определению Б. Андерсона, национальный «нарратив» призван восстановить разрыв с прошлым в условиях глубоких перемен в европейском общественном сознании после падения *ancien régime* и обеспечить самоидентификацию сообщества¹⁵. Для испанских интеллектуалов, живших в Лондоне в 1820-е гг., разрыв со старой культурной нормой имел вполне буквальное значение, поскольку конструирование своего «полезного прошлого» («usable past», словами американского критика В.В. Брукса) происходило в эмиграции. Авторы журнала «Досуги испанских эмигрантов» (выходил в 1824-1827 гг. тиражом более 1000 экземпляров) предлагают свой вариант всеобъемлющего повествования об Испании в проблематичной ситуации изгнания, для понимания которой принципиально важно соотношение названия журнала, содержания, декларируемых намерений.

Выбранное название шло вразрез с традицией испанских печатных изданий либерального толка: их названия вызывали ассоциации с усердным трудом, передавали идею осведомленности, сообщения, отражали установку на активное целенаправленное наблюдение¹⁶. Сами авторы «Досугов...» объясняют: обычно «досуг» – сфера свободного выбора, существующая помимо основного рода деятельности, в то время как для изгнанника «досуг» (*ocio*), навязанный против воли, рискует превратиться в тягостное «безделье» (*ociosidad*). Чтобы этому воспрепятствовать, они добровольно берут на себя

¹⁴ Ginger, Andrew. *Liberalismo y romanticismo. La reconstrucción del sujeto histórico*. Madrid: Biblioteca Nueva 2012

¹⁵ Андерсон, Бенедикт. *Воображаемые сообщества: размышление об истоках и распространении национализма*. М.: Канон-пресс-Ц. Кучково поле, 2001. сс. 209-214.

¹⁶ в названиях фигурировали слова «улей» (*colmena*), «пчела» (*abeja*), «курьер» (*mensajero*), «почта» (*correo*), «телескоп» (*telescopio*), «наблюдатель» (*observador*). Об этом см. Cooke, Peter. *The Liberalism in Exile of *Ocios de españoles emigrados* – An Hegelian Perspective*. Doctoral Thesis. Birkbeck College, London. 2009. p. 35.

труд писать «мимолетные» сочинения, которые «занимают, не утомляя, того, кто пишет, и просвещают, не наскучивая, того, кто их читает»¹⁷. В статье, опубликованной непосредственно после вступления, они предлагают гораздо более амбициозное видение задач журнала – дать правдивое обоснование последних драматических событий и разрушить заблуждения насчет прошлого своей страны¹⁸. Последующие номера «Досугов...» доказали обоснованность претензий. На страницах журнала печаталась переписка Фердинанда VII с державами Священного союза, речи депутатов в Кортесах, подробная статистика по экономическому положению Испании и стран Латинской Америки, трактат о положении ордена тамплиеров в Испании, филологические исследования об Альфонсе Мудром, Гонсало де Берсео и других средневековых авторах, ученые разыскания о предполагаемых семитских корнях испанского языка, описание библиографических редкостей. При том что все статьи отличались привлечением подлинных документов, точными ссылками на источники, на страницах тех же выпусков журнала появляется экскурс в историю петушинных боев, десятистраничный трактат о зонтичных растениях, бытовые зарисовки вроде «как в Лондоне принято звонить в дверь», общие сведения об истории ганзейских городов и т.п.

В журнале «Досуги...», также как и в близких к нему по духу печатных выступлениях А. Алькала Галиано и Х.М. Бланко Уайта для английской аудитории¹⁹, предпринимается «апология» испанской культуры в глазах англичан (представителей европейского сообщества с его престижным статусом) и критический пересмотр собственного наследия от полумифических национальных истоков до современности. В качестве объекта применения этих стратегий выступает испанский «национальный гений». Он уникален, однако эта уникальность реализуется именно среди европейских наций. Изгнанники отводят особенную роль двум свойствам «гения» – это военная доблесть и пылкость воображения, склонность к возвышенному образу мыслей. Развитие этих свойств ставится в зависимость от одних и тех же исторических обстоятельств – арабского завоевания и Реконкисты. Притом что оба свойства представляются вполне субстанциальными, инвариантно сохраняющимися на протяжении нескольких веков, принципиально важно, что они выступают как двойственные по своим проявлениям: найдут ли они воплощение, достойное одобрения или осуждения, зависит от условий конкретной эпохи. В работах изгнанников ключевым историческим фактором, который определяет проявления «национального гения», является свобода – прежде всего,

¹⁷ Prólogo (апрель 1824).

¹⁸ Literatura española. Época 1ª. Desde 1808 hasta 1814 (май 1824)

¹⁹ [Blanco White, José Maria] Spain // Quarterly review, XXIX, 1823; Alcalá Galiano, Antonio. An Introductory Lecture Delivered in the University of London on Saturday, November 15, 1828. London, John Taylor, 1829.

политическая и религиозная. Однако действие этого фактора интерпретируется достаточно тонко, не просто как наличие или отсутствие неких внешних препятствий. Так, по мнению Бланко Уайта, на определенном этапе инквизиция уже становится следствием, а не причиной несчастий, поскольку сама структура «национального гения» претерпела фатальные изменения.

В парадигме романтического историзма общий дух нации, сформированный климатом, религией, нравами, принципами правления, воплощается в единстве множественных форм гражданской жизни, где всё связывается друг с другом в одной органической взаимосвязи и приобретает надвременный характер. При этом, начиная с Гердера, среди органических форм выражения общего духа особенный, привилегированный статус приобретает язык²⁰. В представлении испанских изгнанников именно язык и литература позволяют лучше постичь сущность «гения», и в этом контексте их понимание свободы приближается к концепции «органической формы»: свобода означает динамическое следование внутренним законам «гения», потенциально заложенным в его природе. Поэтому сторонние влияния могут восприниматься и как продуктивные, и как контр-продуктивные, в зависимости от того, как тот или иной автор метаописания понимает «внутреннюю сущность» «национального гения». Например, роль арабского влияния на испанскую литературу вызвала разногласия между Алькала Галиано и авторами «Досугов...», а в отрицательной оценке французского влияния и барочного наследия они были единодушны.

В такое представление о свободе «органически» развивающегося «национального духа» вписывается переосмысление лондонскими изгнанниками идеи литературного образца. Литературные образцы утрачивают предписывающий характер, они становятся необходимы в той мере, в которой выполняют функцию бережного культивирования национальной литературы с целью выявления лучших качеств «национального гения», а не «механического» подчинения чужим законам. Изгнанники включают в канон средневековых испанских авторов: несовершенства формы, которые раньше объяснялись варварством отдаленных эпох, начинают восприниматься как свидетельства «естественности» и «искренности». Бланко Уайт и Алькала Галиано пишут статьи о сборнике новелл Хуана Мануэля «Граф Луканор», «Стансах на смерть отца» Хорхе Манрике, «Селестине» Фернандо Рохаса, «Книге благой любви» Хуана Руиса, Бланко Уайт уделяет внимание «Песни о Сиде», романсам и хроникам. Аналогичным образом, высокую оценку получает английская словесность – более «здоровая и самостоятельная» и поэтому достойная подражания, но не в плане имитации формы (как это происходило в

²⁰ Хюбнер, Курт. *Нация. От забвения к возрождению*. М.: Канон+, 2001. с. 14-46.

Испании с подражанием французским авторам), а как модель успешного выражения в литературе «национального», «естественного», «оригинального».

Попытка реконструкции, которую предлагают лондонские изгнанники, в полной мере отражает понимание того, что свобода, необходимая для полноты раскрытия «органической формы» «национального гения» в литературе, непосредственно зависит от исторически-конкретных социальных институтов. Эти институты призваны обеспечивать сохранение, воспроизводство, распространение литературных проявлений «национального гения»: речь идет и о деятельности Национальной академии языка (пусть задуманной по «чужому», французскому, образцу), и о необходимости обеспечить доступность книг как можно более широкому кругу читателей, и о воспитании и образовании этих читателей. Проведенный анализ позволяет заключить, что таким институтом в условиях эмиграции становится *сам журнал* «Досуги...». Какой бы красноречивой ни была апология, важен сам процесс «производства» (и «воспроизводства») на страницах журнала литературы в универсальном смысле слова – всего многообразия словесно выраженной духовной культуры, которую веками накапливали и передавали общественные институты. Из очень разнородного материала, тяготеющего то к энциклопедизму ученых разысканий, то к стремлению развлекая, образовывать, постепенно складывается мозаичная картина. Однако по мере добавления разнообразных новых элементов эта мозаика как бы приобретает новое измерение и превращается в особое, с любовью и старанием созданное культурное пространство, которое, в соответствии с романтическими представлениями, должно дать необходимую среду для развития «национального гения».

Авторская стратегия Бланко Уайта имеет сходство с тем, как авторы главного журнала испанской эмиграции обыгрывают свое двойственное положение – «досужих», не занятых никаким существенным делом и одновременно обремененных серьезной миссией, в культурном плане сравнимой с миссией Энея, наследника старого и основателя нового государства²¹. Текст, который начинался как скромная рецензия на книгу английского путешественника, превращается в историю развития «человеческого разума», чей ход в Испании был «фатально» искажен властью Священного трибунала. С точки зрения Бланко Уайта, превращение инквизиции в предмет литературы ввело в заблуждение английских читателей, которые привыкли видеть в описании ее злодейств только романский «реквизит». Поэтому он ставит перед собой задачу не только историка – дать диахроническую картину определенных событий, объясняя настоящее в свете прошедшего, но и писателя – сказать правду об испанской истории так, чтобы она в глазах

²¹ Literatura española. Desde 1820 hasta 1823 (июль 1824).

английского читателя была «правдой жизни», а не литературной условностью. Манера рассуждения принимает неожиданный ход: от рассмотрения крупных исторических периодов и анализа коллективного сознания больших социальных групп изложение резко переключается на портретный «фокус». История Испании становится историей семей из Вальядолида и Севильи, пострадавших за сочувствие идеям Реформации. Ряд личных свидетелей замыкает сам автор, делая биографическое измерение истории автобиографическим и убеждая читателей: история для него настолько обладает «всею непереносимой остротой реальной действительности», что едва не лишает его способности писать, но лишь таким путем может быть достигнута сопричастность читателя этому переживанию. Чтобы изменить уже существующий в культуре «код» восприятия, Бланко Уайту приходится предпринять последовательное «изъятие» инквизиции из сферы литературного вымысла через правду личного опыта.

Таким образом, *самим фактом обращения* к английским читателям со своей интерпретацией испанской истории, Бланко Уайт идет наперекор фатальной исторической закономерности, в силу которой, по его же собственному мнению, работа механизмов испанской культуры в течение многих веков исключала сторонников свободного разумения из сферы «своего», преследуя их и отказывая им в праве голоса. В статье он стремится изменить такую конфигурацию «своего» и «чужого»: испанские протестанты, насильно смещенные на периферию испанской культуры, оказываются причастны к иной общности – с его точки зрения, общности более высокого порядка – к духу «свободного разумения», который нашел воплощение в общественном устройстве протестантских стран.

Изгнаннический опыт как условие для «критики нации» («*crisis de la nación*», выражение, восходящее к испанским просветителям) был важным фактором в построении двух эпистолярных произведений, в которых субъект национальной истории (ре)конструируется через активное использование кодов чужой культуры. Этому посвящена четвертая глава диссертации **«Эпистолярная литература изгнанников о путешествиях: соотношение ‘своего’ и ‘чужого’»**. В англоязычных «Письмах из Испании» Бланко Уайта («*Letters from Spain*», 1-е изд. – 1822 г., 2-е изд. – 1825 г.) «чужой» является точка зрения: наблюдателем и автором метаописания выступает человек, разделяющий ценности английского протестантского общества. Основная часть текста, которая имитировала путевые впечатления и строилась в диалоге с английским читателем через подтверждение, обыгрывание, частичное опровержение бытующих мнений об Испании, была заключена в рамку: рассказ испанца Леукадио Добладо, бежавшего в Англию от несправедливости и жестокости *ancien régime*. И создание

мистификации, и ее разоблачение (псевдоним означал «дважды белый» - аллюзия на имя Бланко Уайта) было средством утвердить свое право на обращение к английским читателям и убедить их в правдивости своего повествования, которое предлагало своего рода «двойную интерпретацию». Испанская культура требовала специального истолкования в английской аудитории, а современные события (крах конституционных преобразований 1823 г.) нуждались в историческом объяснении.

В испаноязычных «Письмах из Лондона» («Cartas de Londres», опубликованы в номерах журнала «Досуги...» за 1825-1826 гг.) «чужой» культуре принадлежит сам объект описания, поскольку письма повествуют о жизни британской столицы, однако манера повествования и мотивы анонима за подписью «El Emigrado» отсылали исключительно к испанской культуре. Так же как в «Письмах из Испании» Бланко Уайт стремился поднять личный опыт до уровня исторического и духовного свидетельства, в «Письмах из Лондона» (подчеркнуто частных) разрозненные наблюдения с позиции чужака, непричастного наблюдателя формируют наглядную картину ценностей современной (буржуазной) эпохи: индивидуальная свобода, основанная на четком разделении публичной и частной сфер, веротерпимость, частная инициатива и рациональное распределение времени, которые становятся залогом преуспевания. Очевидно идеализированный образ Лондона интересен с функциональной точки зрения, как определенный набор визуальных знаков или признаков, отсылающих не просто к тому, чего нет в Испании, но к тому, чего ей остро не достает.

В **заключении** еще раз прослеживается логика исследования, акцентируются его основные моменты, предлагаются варианты дальнейшей работы в данном направлении (изучение поэтических произведений и текстов для латиноамериканской аудитории как «литературы контр-изгнания»). Литературную деятельность испанских эмигрантов в Лондоне 1820-х гг. обуславливали два существенных обстоятельства – сосредоточенность на национальной рефлексии и обращенность (не всегда, но зачастую) к носителям чужой культуры, в которой Испания играла роль интригующего/отталкивающего Другого. В этой ситуации референтом «Испании», «испанского» было в определенной мере общее пространство исторического и литературного воображения – лондонские изгнанники должны были учитывать, *что* их английским собеседникам известно об Испании и *как* о ней принято рассказывать, английская точка зрения на испанскую культуру могла быть ориентиром или объектом полемики. Это пространство динамичного обмена было сформировано романтическим историзмом, который открывает испанскую культуру как изменчивую, неоднородную, подверженную влияниям и неравномерностям развития. Попытки «вообразить» историческую изменчивость культуры интересовали нас не только

на содержательном уровне – испанская история/современность как *тема* романа, путевого очерка или журнальной статьи – но и как результат самой литературной ситуации: использование того или иного жанрового инструмента, обращение к тому или иному адресату. Особенный интерес для нас представляли случаи, когда этот результат неоднозначно соотносился с декларируемыми авторскими намерениями (например, в случае с журналом «Досуги...») или возникал вопреки очевидной литературной неудаче (как с романами В. Льяноса и Х. Т. де Труэбы-и-Коссио).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. **Образ Латинской Америки в английской культуре конца XVIII - начала XIX века и литературная деятельность испанских эмигрантов в Лондоне (1820-1830-е гг.)** // Латинская Америка. №4, 2012. С. 72-88.
2. **Кадис 1812: бремя современного и рождение прошлого** // Вестник МГУ. Серия 9 Филология. №6, 2012. С. 295-301.
3. Осмысление темы изгнания в лирике испанской эмиграции в Лондоне (1823-1834) // Международный молодежный научный форум «Ломоносов – 2009». Секция «Филология». Материалы XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Под ред. Е.И. Кисловой. М.: Макс Пресс, 2009. С. 623-625.
4. «Черная легенда» об Испании и «Письма из Испании» Хосе Марии Бланко Уайта (1822) // Международный молодежный научный форум «Ломоносов – 2010». Секция «Филология». Материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Под ред. Е.И. Кисловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 733-735.
5. «Либералы» и «романтики» в изгнании: периодика испанской эмиграции в Лондоне в 1823-1834 гг. // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Восьмых Андреевских чтений / Под ред. Н.Т. Пахсарьян. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2010. С. 62-68.
6. Философская лирика Бланко Уайта: от Севильской академии словесности до Оксфордского университета // XVIII век: литература как философия, философия как литература: научный сборник / Под ред. Н.Т. Пахсарьян. М.: Экон-информ, 2010. С. 445-452.
7. Испанская эмиграция в Лондоне в 1820-1830-е гг.: проблемы контекстуализации и интерпретации // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи. Тезисы конференции. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова,

Филологический факультет, 25-26 ноября 2010 г. / Под ред. Ю.Л. Оболенской, Д.Л. Гуревича, М.С. Снетковой. М.: МАКС-Пресс, 2010. С. 99-102.

8. Х.М. Бланко Уайт как посредник между английской и испанской культурой в эпоху романтизма // XXIII Пуришевские чтения. Зарубежная литература XIX века. Актуальные проблемы изучения / Отв. ред. Е.Н. Черноземова. М.: МПГУ, 2011. С. 167

9. Журнал испанской эмиграции в Англии «*Ocios de españoles emigrados*»: бытование национального духа в изгнании // Проблемы поэтики и истории зарубежной литературы: Сборник статей молодых ученых филологического факультета. Вып. 3 / Отв. ред. А.Ю. Зиновьева, сост. Н.А. Мороз. М.: Макс Пресс, 2011. С. 4-21.

10. Испанские изгнанники между Англией и Латинской Америкой: идеи английского романтизма в пересказе Бланко Уайта // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 135-137.

11. Миф о героической средневековой Испании и его воплощение в эпических произведениях английских и испанских романтиков // Материалы международной научной конференции «VII Майминские чтения». 5-9 октября 2011. В 2-х тт. / Отв. ред. Н.В. Вершинина. Псков, Логос Плюс, 2011. Т.2. С. 185-196.

12. Spanish and Russian Episodes in Byron's "Don Juan": Imagining the Periphery of European Modernity // Societe Française des Etudes Byroniennes. Bulletin de Liason. Paris, 2011, P. 73-81.

13. [Реф.:] «Испанский текст» в литературе английского романтизма (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. Литературоведения. — М., 2012. — №2. С. 33-43.

14. [Реф.:] Романтизм и англо-испанское воображаемое // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. Литературоведения. — М., 2012. — №2. С.43-49.

15. Опыт эмигрантского сообщества в «мегаполисе XIX века»: столица Британской империи глазами испанских изгнанников в 20-е гг. XIX в. // Полифония большого города: Сб. научных статей / Под ред. Л.М. Терентия, В.В. Красных, А.В. Кирилиной. М.: МИЛ, 2012. С. 91-100.

16. Эволюция топоса «романтической Испании» в английской литературе к XVIII – н. XIX вв. // Романтизм: грани и судьбы: ученые записки НОЦ КИПР ТвГУ. Вып.10 / Под ред. И.В. Карташовой. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. С. 52-60.

17. «Иллюзии памяти и воображения»: образ прошлого в сборнике Вашингтона Ирвинга «Альгамбра» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012», 9-13 апреля 2012 г. / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова [Электронный ресурс] – М: МАКС Пресс, 2012.
18. Своеобразие идиллического хронотопа в поэме Хелен Марии Уильямс «Перу» (1784) // XVIII век: литература в эпоху идиллий и бурь: сборник статей / Под ред. Н.Т. Пахсарьян М.: Экон-информ, 2012. С. 28–35.
19. Поэма герцога Риваса «Флоринда» (1834): мифологический, исторический, автобиографический контекст // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи: Тезисы конференции / Под ред. Ю.Л. Оболенской, Д.Л. Гуревича, М.С. Снетковой. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 66-67.
20. «Правда жизни» и условности жанра: история испанской инквизиции в английской аудитории начала XIX в. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2013.
21. [Реф.:] Испанская литература романтического и постромантического периода (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. Литературоведения. — М., 2013. №2